

ФИЛОСОФИЯ МУЗЫКИ АЛ-КИНДИ: КОСМОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

НОФАЛ

Фарис Османович,

аспирант, Луганский государственный университет им. В. Даля (91034, Украина, г. Луганск, Молодежный квартал, 20а).
E-mail: faresnofal@mail.ru

Аннотация. В настоящей статье рассматривается космологический аспект философии музыки первого видного представителя школы арабоязычного перипатетизма, известного мыслителя, богослова, астронома и естествоиспытателя Абу Йусуфа Йа'куба б. Исхака ал-Кинди (ум. 256/873). Отдельно исследуются основания «оперативной космологии» ал-Кинди. Автор делает вывод об онтологическом значении музыки для философской картины мира знаменитого файласуфа, а также доказывает оригинальность ряда «первооснов» музыкальной теории Абу Йусуфа, не сводимых к отдельным положениям античной мысли, равно как и тесную связь музыкально-антропологической терминологии ал-Кинди с дискурсом классической арабской литературы и средневекового арабского языкознания.

Ключевые слова: средневековая философия, арабо-мусульманская философия, арабоязычный перипатетизм, средневековая теория музыки, философия музыки, ал-Кинди, Пифагор.

УДК 1(091); 1.18
DOI 10.22311/2074-1529-2017-13-2-41-54

И метафизика, и философия музыки Абу Йусуфа Йа'куба б. Исхака ал-Кинди (ум. 256/873), к сожалению, достаточно скудно представлены в русскоязычной научной литературе¹. Причины подобного «забвения» теоретической системы ал-Кинди, на наш взгляд, заключены в определенном дисбалансе, сложившемся в западном изучении наследия представителей арабоязычного перипатетизма (*фалсафа*): в то время как «средний» и «зрелый» этапы развития фалсафа освещены современными востоковедами достаточно обстоятельно, «ранний» арабский неоплатонизм остается своеобразным «темным пятном» философского исламоведения, служащим и по сей день поводом для острейших дискуссий. Неудивительно, что проблематика, затронутая Абу Йусуфом в сравнительно

¹ См.: Ефремова Н. В. Ал-Кинди // Новая философская энциклопедия. М., 2010. Т. 2. С. 244–245; Избранные произведения мыслителей стран Ближнего и Среднего Востока. М., 1961. С. 41–132; Кныш А. Д. Борьба идей в средневековом исламе // Ишрак. Ежегодник исламской философии'2. М., 2011. С. 460–501; Фролова Е. А. Арабская философия: прошлое и настоящее. М., 2010. С. 109. См. также фрагментарные упоминания о философии музыки ал-Кинди в: Музыкальная эстетика стран Востока / общ. ред. и вступ. ст. В. П. Шестакова. М., 1967. С. 250–251; Шамилли Г. Б. Модели музыкальной речи // Искусство музыки: история и теория. 2011. № 1–2. С. 318–329.

недавно опубликованных трактатах¹, была рассмотрена нашими коллегами достаточно фрагментарно, а различные стороны его философско-религиозной системы подверглись серьезному искажению вследствие укрепления редуccionистских тенденций в академической арабистике кон. XX — нач. XXI в.

Итак, основная наша задача — насколько возможно полно представить философско-теоретические построения ал-Кинди, касающиеся общей проблематики музыкального искусства, а также прояснить их связь с антропологией и космологией «раннего» арабоязычного перипатетизма. При этом мы надеемся, что настоящая работа станет началом целого ряда исследований по философии музыки Абу Йусуфа и ее автохтонным основаниям.

Как считают многие специалисты, антропология ал-Кинди может быть охарактеризована в общих чертах как платоническая². Называя раннеперипатетическое учение о человеке «синтетическим» и объясняя его возникновение переводом «Теологии Аристотеля» на арабский язык, современные медиэвисты подчеркивают его общую проплатоническую направленность. В подтверждение этого арабисты ссылаются на классификацию сил души (*кива ан-нафс*), приведенную Абу Йусуфом в трактате «Слово о душе: сокращение из книг Аристотеля, Платона и других философствующих» (*ал-Кавл фи ан-нафс ал-муктасар мин китаб 'Аристо ва 'Афлатун ва са'ир ал-фаласифа*)³. Действительно, ал-Кинди делит, в соответствии с платоническими теориями, силы истинного человеческого естества на вожделеющую (*шахваниййа*), яростную (*гадабиййа*) и мыслительную (*'аклиййа*)⁴; однако в других своих трудах он возвращается к аристотелевской точке зрения на душу. В частности, «Трактат о чтойности сна и видений» (*Рисала фи махиййат ан-навм ва ар-ру'йа*) содержит описание таких душевных сил, как ощущающая (*хиссиййа*)⁵, отображающая (*мусаввира*), оберегающая (*хафиза*), питающая (*газиййа*) и развивающая (*мунамиййа*). Четыре последние силы — как

¹ *Ал-Кинди, Абу Йусуф*. Му'аллафат мусикиййа. Багдад, 1965; *Он же*. Раса'ил фалсафиййа. Каир, 1950–1953; *Он же*. Рисала фи аджаз хабариййа фи ал-мусика // *Ал-Хулувв С*. Тарих ал-мусика аш-шаркиййа. Бейрут, 1961. С. 261–269; *Он же*. Рисала фи ал-лухун ва нугум. Багдад, 1965.

² См.: Adamson P. Al-Kindi. Oxford, 2007. P. 111–114. Подобного мнения придерживается и отечественный исследователь, исламовед И. Р. Насыров [*Насыров И. Р.* Аль-Кинди и его трактат «Краткое изложение учения из книг Аристотеля, Платона и других философов» // «Аристотелевское наследие как конституирующий элемент европейской рациональности»: Материалы к докладом. М., 2016. С. 5; запись выступления: <https://youtu.be/XAXqs2fUqY?t=2h18m3s> (дата обращения 13.12.2016)]. Здесь мы хотели бы отдельно выразить свою благодарность Ильшату Рашитовичу, чей доклад послужил поводом для написания настоящей статьи.

³ *Ал-Кинди, Абу Йусуф*. Раса'ил фалсафиййа. Т. 1. С. 272–280.

⁴ Там же. С. 274.

⁵ Упоминание об ощущающей силе мы находим также в «Трактате о разуме» (*Рисала фи ал-'акл*) ал-Кинди. При этом замечается, что настоящий вид сил «не есть часть души, подобная органу тела... но самая душа». (*Ал-Кинди, Абу Йусуф*. Раса'ил фалсафиййа. С. 355).

и диада «платонических» сил — характеризуются философом как «средние» (*мутавассита*), логически — а не онтологически — соединяющие ощущающую силу с силой разумной¹. Стоит ли говорить, что похожую антропологическую схему мы встречаем в знаменитом трактате Стагирита «О душе»; однако и этим не исчерпывается аристотелизм психологии ал-Кинди.

Рассуждая о человеке, Абу Йусуф предлагает следующее его определение: «Человек есть трехмерное тело (*джурм*)² — живое (*хайй*) и развивающееся (*намийй*)»³. Исходя из этой дефиниции, Йа'куб продолжает: «Душа — это завершенность (*тамамиййа*) трехмерного природного, механистического (*зи ала*) тела, принимающего жизнь... и говорят: она — энтелехия (*истикмал 'аввал*) природного, потенциально-живого тела»⁴. Вместе с тем природа (*таби'а*), «начало движения и покоя», вводится ал-Кинди в его систему как «первая из сил души»⁵. Поскольку, как мы отмечали выше, силы души и душа, по философу, «субстанционально» едины, едва ли уместно игнорировать схожесть последних его пассажей со следующей выкладкой Аристотеля:

Очевидно также, что душа есть причина и в значении цели. Ибо так же, как ум действует ради чего-то, так и природа, а то, ради чего она действует, есть ее цель. А такая цель у живых существ по самой их природе есть душа. Ведь все естественные тела суть орудия души — как у животных, так и у растений, и существуют они ради души. Цель же понимается двояко: как то, ради чего, и как то, для кого. Но и то первое, откуда пространственное движение, также есть душа. Впрочем, эта способность присуща не всем живым существам. Превращение и рост также происходят благодаря душе. Ведь ощущение есть, по-видимому, некоего рода превращение, а то, что не имеет души, не ощущает. Так же обстоит дело с ростом и упадком. Ведь не разрушается и не растет естественным образом то, что не питается, а не питается то, что не причастно жизни⁶.

Таким образом, становится очевидным: «этос» антропологии ал-Кинди — и, в частности, его психологии — оставался глубоко перипатетическим. Синтез с платонизмом и неоплатонизмом затронул лишь отдельные эсхатологические аспекты учения Абу Йусуфа, как то: постулат о посмертной участи человека, уверенность в ущербности телесного существования и др. Что касается «практической» стороны его антропологических теорий, особенно ценных в связи

¹ Ал-Кинди, Абу Йусуф. Раса'ил фалсафиййа. С. 293–305.

² См. подробное рассмотрение этой категории в: Ал-Кинди, Абу Йусуф. Раса'ил фалсафиййа. С. 165.

³ Там же. С. 264.

⁴ Там же. С. 165.

⁵ Там же.

⁶ Аристотель. О душе / пер. П. С. Попова (1937), заново сверенный с греческим оригиналом М. И. Иткиным // Аристотель. Соч.: В 4 т. М.: Мысль, 1976. Т. 2. 4: 15–26.

с философией музыки Ибн Исхака, то некоторые исследователи редуцируют их к пифагореизму¹. Доказательству их сравнительной самостоятельности и будет посвящена статья. Однако для начала заметим, что космологии ал-Кинди было чуждо учение о «пятом элементе», рецепция которого в позднеантичном неоплатонизме связывалась со школой Пифагора², — несмотря на то, что именно оно могло бы метафизически, а не только математически или антропологически обосновать правомерность «натяжения» пятой струны в четырехструнном инструменте *‘уд*³.

Трактат «О поведанных частях музыкального [искусства]» (*Фи аджаза’ хабариййа фи ал-мусика*) ал-Кинди открывается описанием восьми видов ритма (*ика’ат*, ед. ч. *ика’*). Вполне уместно будет привести здесь перевод соответствующего отрывка, посвященного изложению классификации ритма:

Первый тяжелый [ритм] (*ас-сакил ал-‘аввал*) — это три следующих друг за другом удара [соединенных] со «спокойным» (*сакина*) ударом... Второй тяжелый [ритм] (*ас-сакил ас-санийй*) — это три следующих друг за другом удара [соединенных] сначала со спокойным, а после — с «подвижным» (*мутахаррика*)⁴ ударами. [Ритм] *ал-Махурийй* — это два следующих друг за другом удара... Легкий (*ал-хафиф*) [ритм] тяжелого — это три следующих друг за другом удара... [Ритм] *ар-рамал* — это одинокий удар, сопряженный с двумя ударами, следующими друг за другом... Легкий [ритм] *ар-рамал* — это всего лишь три следующих друг за другом удара... Легкий [ритм] легкого — это два следующих друг за другом удара... [Ритм] *хазадж* — это два следующих друг за другом удара; и между каждыми двумя его ударами есть время двух ударов⁵.

Хотя заключительные главы «О поведанных...» и считаются мидиевистами адаптацией переведенного Хунайном б. Исхаком (ум. 873) сочинения некоего Павла «Об элементе музыки», цитаты из которого

¹ См.: Шамилли Г. Б. Модели музыкальной речи // Искусство музыки: история и теория. 2011. № 1–2. С. 318–340.

² Diels H. *Doxographi graeci*. Berlin, 1879. S. 334; см.: Месяц С. В. Дискуссии об эфире в античности // Космос и душа. Учения о вселенной и человеке в Античности и в Средние века (исследования и переводы) / общ. ред. П. П. Гайденко, В. В. Петров. М., 2005. С. 63–112.

³ Ал-Кинди Абу Йусуф. Рисала фи ал-лхун ва нугум. С. 21. Наше предположение подтверждается справкой философа о том, что «некоторые... добавляют к ‘уду пятую струну, подумав, будто существуют первая природа и пятый элемент» (ал-Кинди, Абу Йусуф. Му’аллафат мусикийя. С. 77–94; курсив наш. — Ф. Н.). О «пятой природе» ал-Кинди говорит там же, относя ее к космической «сфере» (*фалак*), игнорируя возведенную Теофрастом к пифагорейцам теорию о «составности целого» из «пятого элемента», имеющего форму додекаэдра.

⁴ Приводя подстрочный перевод отрывка, важный для выявления его связи с классическим арабским языкознанием, мы, тем не менее, имеем в виду под «спокойными» и «подвижными» «ударами», соответственно, т. н. «неогласованные» и «огласованные» накры (см., напр.: Мураки М. Г. Ритм в «Трактате о музыке» Братьев чистоты // Искусство Востока. Проблемы эстетического своеобразия / ред. И. Р. Еолян. СПб., 1997. С. 237–254). — Ф. Н.

⁵ Ал-Кинди Абу Йусуф. Рисала фи аджаза’ хабариййа фи ал-мусика // ал-Хулувв С. Тарих ал-мусика аш-шаркиййа. С. 262.

встречаются и в сочинениях «Братьев чистоты» (*'ихван ас-сафа'*)¹, мы смело можем признать вышеприведенную классификацию размеры, как *раджаз, сари, мунсарих, вафир* и *басит*; так же музыкального ритма самостоятельной разработкой ал-Кинди. Так, наименования, данные философом семи видам ритма из восьми, соответствуют обозначениям метрических размеров классического арабского стиха². Как предполагают некоторые исследователи древнеарабской поэзии, из караванной песни (*хида'*), по преданию восходящей к Мудару б. Низару, «патриарху» аднанидов, арабы *джахилийи* вывели такие метрические из «тяжеловесной» песни, сопровождавшейся простейшим инструментальным аккомпанементом (*ас-санад*), были выведены *рамаль, мадид* и *хафиф*, а из «легкой» песни, которой сопутствовала игра на бубне и мизмаре (*хазадж*) — *хазадж, мутакариб* и *мутадарик*³. Приводя подобные параллели, ал-Кинди отмечает единство как наук, так и универсума, ими рассматриваемого — не случайно «музыкальная наука», наряду с геометрией, арифметикой и астрологией, включается 'Абу Йусуфом в число т. н. теоретических «срединных наук» (*ал-'улум ан-назариййа ал-вуста*), связывающих «натурфилософию» с «метафизикой»⁴.

Пресловутый «гносеологический» срез упомянутого единства уточняется у философа срезом онтологическим. Согласно ал-Кинди, между поэтикой и ритмикой существует нерушимая *онтологическая связь*, на которую перипатетик указывает соответствующим глаголом *йаджиб*: *хазадж, рамал* и «легкие» ритмы «облекают» (*таксийй*) стихи ликования, тогда как «тяжелые» ритмы служат печальной поэзии, а *ал-Махурийй* — эпической⁵. Дальше мы увидим, как Йа'куб разовьет анализ именно онтологического «извода» предложенного им универсализма, где музыке будет отведена важнейшая медиативная роль.

Излагая виды «изоморфизма» (*ташакул*)⁶ звучаний струн *'уда* тем или иным феноменам микро- и макрокосмов, ал-Кинди, по мнению многих историков музыки, следует пифагорейской музыкальной теории.

¹ Гураб 'А. Му'аллафат ал-Кинди ал-мусикиййа ва му'тайат 'аввалиййа хавл 'алакати-ха би-л-масадир ал-'игрикыййа // Ал-Кинди ва фаласафату-ху. Важджа, 2015. С. 132–133.

² См.: Долинина А. А. Предисловие // Аравийская старина. Из древней арабской поэзии и прозы. М., 1983. С. 16–21. Там же читатель может ознакомиться с условными «эквивалентами» обозначенных размеров в русской силлабо-тонической просодии, предложенными А. Долининой.

³ Касим Б. Аш-ша'ир ал-джахилийй ва ал-вуджуд: дираса фалсафиййа захиратиййа // Ал-Мустакбал ал-'арабийй. 2014. № 423. С. 57–67.

⁴ Ал-Кинди, Абу Йусуф. Му'аллафат мусикиййа. С. 70. Такой же классификации наук держался и ал-Фараби (ум. 339/951), включивший музыку, астрологию, геометрию, арифметику и механику в раздел «квадривиум» (*'илм ат-та'алим*) (см.: ал-Фараби, 'Абу Наср. Большой трактат [о] музыке (фрагмент) / вступ. ст., пер. с араб. и коммент. Ф. О. Нофала // Філософські дослідження, 21. Луганськ, 2014. С. 258–265).

⁵ Ал-Кинди Абу Йусуф. Рисала фи адджа' хабариййа фи ал-мусика // Ал-Хулув С. Тарих ал-мусика аш-шаркиййа. С. 262.

⁶ Ал-Кинди Абу Йусуф. Рисала фи адджа' хабариййа фи ал-мусика.

В самом деле, похожие соответствия числовых пропорций космологическим константам мы встречаем у Теона Смирнского (ум. 135), Ямвлиха (ум. 325) и других¹. К примеру, философ учит:

Число струнам — четыре; и это *ал-бамм*, *ал-мусаллас*, *ал-мусанна* и *аз-зир*². *Аз-зир* соответствует первой четверти небесной сферы (от середины неба до места заката), первой четверти зодиакального круга (от Рака до Девы), левой четверти лунного круга, огню, южным ветрам, лету, от седьмого до четырнадцатого дням месяца, времени от полудня до первой половины заката, желчи и юности. Из сил души она соответствует мыслительной силе, исходящей от головы, и притягательной силе, исходящей от тела; из действий ее, проявляющихся в животном, выделяем отвагу³.

Подобным образом Абу Йусуф описывает и три другие струны, расположенные по квартам. Соответствия, выведенные им в трактате «О поведанных...»⁴, систематизированы нами в следующей таблице:

<i>ал-бамм</i>	<i>ал-мусаллас</i>	<i>ал-мусанна</i>
Четверть сферы — от первой до седьмой части	Четверть сферы — от места рассвета до первой	Четверть сферы — от места заката до места рассвета
Зодиакальная четверть — от Козерога до Рыб	Зодиакальная четверть — от Весов до Стрельца	Зодиакальная четверть — от Овна до Близнецов
Лунная четверть ⁵	Лунная четверть — от места «встречи» Солнца до ее правой четверти	Лунная четверть — от места «соседства» с Солнцем до левой четверти
Вода	Земля	Воздух
<i>Дабур</i> (западный ветер)	Северный ветер	<i>Саба</i> (восточный ветер)

¹ *Тураб*, 'А. Му'аллафат ал-Кинди ал-мусикийя ва му'тайат 'аввалийя хавл 'алакати-ха би-л-масаDIR ал-'игрикыйя // ал-Кинди ва фаласафату-ху. Ваджда, 2015. С. 130–131.

² Обозначения А (ля), D (ре), G (соль) и C (до) струн соответственно. — *Ф. Н.*

³ *Ал-Кинди Абу Йусуф*. Рисала фи аджаз' хабарийя фи ал-мусика // *Ал-Хулуwв* С. Тарих ал-мусика аш-шаркийя. С. 264. Интересно, что философ, постулировавший единство и неделимость души и ее сил в других трактатах, все-таки проводит здесь различие между «головными» и «телесными» психическими силами. Впрочем, это противоречие можно снять, предположив, что ал-Кинди — автор трактата «О поведанных...» — всего лишь пытается систематизировать ничем не ограниченное им число душевных сил.

⁴ *Ал-Кинди Абу Йусуф*. Рисала фи аджаз' хабарийя фи ал-мусика // *Ал-Хулуwв* С. Тарих ал-мусика аш-шаркийя. С. 264–265.

⁵ Возможно, пропуск в оригинальной рукописи трактата.

<i>ал-бамм</i>	<i>ал-мусаллас</i>	<i>ал-мусанна</i>
Зима	Осень	Весна
Четверть месяца — от двадцать первого дня до последнего	Четверть месяца — от четырнадцатого дня до двадцать первого	Четверть месяца — от первого дня месяца до седьмого
Четверть дня — от полуночи до первой половины восхода	Четверть дня — от первой половины заката до полуночи	Четверть дня — от второй половины восхода до полудня
Флегма	Черная желчь	Кровь
Старость	Зрелость	Младенчество
«Головная» сила памяти	«Головная» запоминающая сила	«Головная» воображающая сила
«Телесная» движущая сила и мечта.	«Телесная» удерживающая сила и трусость	«Телесная» пищеварительная сила и рассеянность

Подобно тому, как единой и неделимой душе неоплатониками приписываются определенные силы, каждой струне *‘уда*, как и всякому ритму, по *ал-Кинди*, присущи те или иные силы, возбуждающие душу и влияющие, тем или иным образом, на состояние тела. «Движения» *аз-зир*, соответствующие ритму *ал-махурийй*, вызывают к бытию радость, жестокосердие и отвагу и оживляют желчь за счет недвижимости флегмы; колебания *ал-мусанна*, сопряженные с «тяжелыми» ритмами, культивируют нежность, щедрость и мягкость, активизируют движение крови. Звучание *ал-мусаллас* — причина плача, печали и «буйства» флегмы, а *ал-бамм*, колеблемый в ритмах *хазадж* и *рамал*, — начало любви и «бурления» черной желчи. «Разбавление» одних звуков другими имеет то же воздействие на космос, что и смешение (*маздж*) «четырёх природ» (*ат-таба’у’ ал-арба’*); однако влияние их на тело часто не совпадает с их же влиянием на душу и ее действия (*аф’ал*), — уверен *файласуф*. «Пение» *аз-зир* подвигает душу к делам храбрости и щедрости, *ал-мусанна* — к радости, любви и благодушию, *ал-мусаллас* — к трусости, скупости и сокрушениям, а *ал-бамм* — к мечтательности и перепадам настроения¹.

¹ *Ал-Кинди Абу Йусуф*. Рисала фи аджаз’ хабариййа фи ал-мусика // *Ал-Хулувв С*. Тарих ал-мусика аш-шаркиййа. С. 265–266; *Он же*. Рисала фи ал-лухун ва нугум. С. 18–19.

Отмечая важность «слухового» (*сам'ийй*) воздействия, оказываемого пропорционально ранжированными звуками на человеческое естество, философ не забывает и о связи других перцептивных объектов с психическими аффектами и действием. Например, смешение красного и желтого цветов дает человеку ощущение возвышенности, смесь желтого и черного — чувство униженности; соединение черного, красного, желтого и белого цветов вызывает к щедрости дарителя, а единство розового, желтого, черного и фиолетового неразрывно связано с радостью и сладостью. «Яблочно-красный» цвет объявляется мыслителем катализатором наслаждения и страсти. Рябь же всех цветов, в одиночестве представляющих перед взором субъекта, «движет все [душевные] силы, все формы (*сувар*), всю мысль (*фикр*) и все воображение (*вахм*)»¹. В свою очередь запахи делятся 'Абу Йусуфом на две большие группы — «мужские» (*музаккара*) и «женские» (*му'аннаса*); «мужские» запахи — запахи жасмина, фиалки, майорана и мирта — возбуждают радость, великодушные и щедрость, а «женские» ароматы — мускуса, розы и нарцисса — внушают чувства радости, сладости и страсти².

И ал-Кинди, и ал-Фараби следуют в основах своей «музыкальной антропологии» тому, что наши коллеги называют «пифагорейской музыкальной теорией». Как свидетельствует Ямвлих, Пифагор

также полагал, что музыка очень благотворно действует на здоровье, если заниматься ею подобающим образом... Одни мелодии предназначались как самое действенное средство против уныния и терзаний, а другие также против раздражения, гнева и против всякого умственного помрачения разгневанной души; был также и еще один род музыкального творчества, предназначенный для ограждения желаний³.

Тем не менее воздействие музыки и на человека, и на животное было хорошо известно и древним арабам задолго до активизации движения по переводу античных источников на арабский язык. В подтверждение нашего тезиса вернемся к уже упомянутому вскользь эпизоду — к легендарному рождению первой арабской песни (*худа'*):

Однажды Мудар б. Низар... упал с верблюда и сломал руку. Его подхватили и понесли, а он только причитал: «О, моя рука! О, моя рука!»

¹ Ал-Кинди Абу Йусуф. Рисала фи адджа' хабариййа фи ал-мусика // Ал-Хулуув С. Тарих ал-мусика аш-шаркиййа. С. 266.

² Ал-Кинди Абу Йусуф. Рисала фи адджа' хабариййа фи ал-мусика. С. 267. Проблема антропологии музыки ал-Кинди не случайно исследуется нами именно на примере трактата «Фи адджа' хабариййа...». Так, эксплицированные нами идеи являются продолжением рефлексии о музыке, начатой философом в седьмой главе работы «Послание об искусстве гармонии» (*Рисала фи хабар сина' ат ат-та'лиф*). Последняя же не отличается особой оригинальностью и представляет собой пересказ воззрений Аристиды (ум. 468 до н. э.) и Птолемея (ум. 168) на психологическое влияние музыкальных фраз (см.: Гураб, 'А. Му'аллафат ал-Кинди ал-мусикиййа ва му'тайат 'аввалиййа хавл алакати-ха би-л-масадир ал-'игрикиййа. Ал-Кинди ва фаласафату-ху. Ваджда, 2015. С. 127–128).

³ *De vita pythagorica*, XXV, 110–111 (перевод И. Ю. Мельниковой).

(*ва-идах, ва-идах*). Был же он совершенен голосом среди тех, кого сотворил Аллах. Вдруг послушался его верблюд и споро зашагал дальше. С тех пор арабы криком «*ха-ида, ха-ида*» подгоняют стада¹.

Эффекту от соединения ритма и мелодии, по свидетельству источников, араб *джахилийи* нашел применение не только в быту, но и в древнеарабских войнах. Ритмичный распев целых фраз «возбуждал в самом естестве» (*фитра*) воина *джахилийи* храбрость и гнев; при этом во время сражения бойцы переходили, в зависимости от боевой обстановки, от одного ритма мелодии к другому². В «зрелой» *джахилийской* поэзии музыкальный ритм уже коррелировал со смыслами поэмы-*касыды*: так, метрический размер *тавил* зачастую использовался в лирических стихотворениях, а *камил* — в более «легких», дескриптивных по своему характеру произведениях³. Музыкально-теоретические построения первых арабских перипатетиков, вне всякого сомнения, являются продолжением обозначенных размышлений о «сущности» мелодии в арабской культуре — пусть и облеченным в форму античных музыкальных теорий, способствовавших оформлению первой полноценной философско-музыкальной системы средневекового Ближнего Востока.

Как мы увидели выше, ал-Кинди полагает музыкальное искусство примером гармоничного соотношения «звуков, всеобщего строения и человеческих душ»⁴. И первые, и второе, и третьи предстают перед читателями сочинений «философа арабов» в качестве границ огромного бытийного поля, в которых — и только в которых — возможно объективное их взаимодействие. Природный универс, представленный в сознании субъекта познания как совокупность *феноменов-отношений*, оказывается, таким образом, целиком и полностью процессуальным: отдельно взятые звук, цвет, запах или сила души не подлежат рассмотрению человеческим интеллектом не по причине своей символичности⁵ или абстрактности, но из-за своей *онтологической невозможности* в отрыве от мира бесчисленных взаимодействий. Одновременно с этим связи одних феноменов с другими, по Абу Йусуфу, исключительно линейны, одномодальны: даже «смешение» двух или более сил не аннигилирует или трансформирует их действия, но всего лишь комбинирует их. В свете этого постулата космология ал-Кинди может быть названа нами *оперативной, «энергийной»*.

Очевидно, что «оперативная космология» ал-Кинди толкует и саму музыку как процесс «движения» звука. Соответствующий

¹ *Ал-Кайравани, Ибн Рашик*. Ал-'Умда. Бейрут, 1981. Т. 2. С. 241.

² *Ар-Рафи'и, М. С.* Тарих адаб ал-'араб. Мансура, 1940. Т. 2. С. 19–20.

³ Там же. С. 21–22.

⁴ *Ал-Кинди, Абу Йусуф*. Раса'ил фалсафиййа. Каир, 1950–1953. Т. 1. С. 377–378.

⁵ Знак (*рамз*) определяется философом как некий неотрефлексированный образ, могущий соответствовать или не соответствовать реальности (*хакика*) (*там же*. С. 303–305).

же пропорциональным схемам звук называется мыслителем «гармоничным» (*му'талиф*), а значит подобным и другим формам-процессам натурфилософского и антропологического порядка, также ранжированным согласно определенным их «идеальным» предикатам. Вместе с тем рационально «схватываемые» закономерности музыкальных процессов являют собой некоторую оппозицию неустойчивой, подвижной человеческой душе, подверженной действию анатомических, физиологических, экологических и эстетических факторов. Будучи одним из последних, музыкальный фактор служит наглядной иллюстрацией онтологического и гносеологического всеединства, постулируемого исследователями «срединных наук» квадривиума. На примере «движения» звуков от одной позиции к другой теория музыки Йа'куба б. Исхака стремится прояснить место человека в прагматике двоичных и четверичных отношений, как то: отношения души и тела, «мужских» и «женских» запахов, периодичность сменяемости сезонов, изменчивая четырехсоставность субстанций, дробность числовых соотношений и т. д. Человеческая воля, находящаяся в самом средоточии упорядоченных Творцом связей чтойностей и процессов между собой (в том числе звуковых), призвана, преследуя аскетические цели, подчинить себе независимые от нее процессы, являющиеся и ее причиной, и отчасти конституируемой ею реальностью. А это означает, что музыка, по ал-Кинди, и предшествует антропосу, и продуцируема им. Пожалуй, эта идея средневекового мудреца может справедливо считаться и вершиной, и началом раннеклассической арабской рефлексии о метафизике и физике музыки как космологического феномена.

Литература

Гураб, 'А. Му'аллафат ал-Кинди ал-мусикийя ва му'тайат 'аввалийя хавл 'алакати-ха би-л-масаDIR ал-'игрикийя // ал-Кинди ва фаласафату-ху. Ваджда: б. и., 2015. С. 117–146.

Ал-Кайравани, Ибн Рашик. Ал-'Умда. Бейрут: Дар ал-Джил, 1981. 651 с.

Касим, Б. Аш-ша'ир ал-джахилийй ва ал-вуджуд: дираса фалсафиййа захиратиййа. // Ал-Мустакбал ал-'арабийй. № 423. 2014. С. 57–67.

Ал-Кинди, Абу Йусуф. Му'аллафат мусикиййа. Багдад: Матба'ат Шафик, 1962. 174 с.

Ал-Кинди, Абу Йусуф. Раса'ил фалсафиййа. Каир: Дар ал-фикр ал-'арабийй, 1950–1953. 537 с.

Ал-Кинди, Абу Йусуф. Рисала фи аджза' хабариййа фи ал-мусика // ал-Хулуув, С. Тарих ал-мусика аш-шаркиййа. Бейрут: Мактабат ал-Хайат, 1961. С. 261–269.

Ал-Кинди, Абу Йусуф. Рисала фи ал-лухун ва нугум. Багдад: Матба'ат Шафик, 1965. 32 с.

Ар-Рафи'и, М. С. Тарих адаб ал-'араб. Мансура: «ал-'Иман», 1940. 758 с.

Долинина А. А. Предисловие// Аравийская старина. Из древней арабской поэзии и прозы. М.: «Наука», 1983. С. 3–22.

Ефремова Н. В. Ал-Кинди // Новая философская энциклопедия. М.: Мысль, 2010. Т. 2. С. 244–245.

Избранные произведения мыслителей стран Ближнего и Среднего Востока. М.: ИФ АН СССР, 1961. 634 с.

Кныш А. Д. Борьба идей в средневековом исламе// Ишрак. Ежегодник исламской философии'2. М.: «Наука», 2011. С. 460–501.

Месяц С. В. Дискуссии об эфире в Античности // Космос и душа. Учения о вселенной и человеке в Античности и в Средние века (исследования и переводы) / общ. ред. П. П. Гайденок, В. В. Петров. М.: Прогресс-Традиция, 2005. С. 63–112

Музыкальная эстетика стран Востока / общ. ред. и вступ. ст. В. П. Шестакова. М.: «Музыка», 1967. 413 с.

Мураки М. Г. Ритм в «Трактате о музыке» Братьев чистоты // Искусство Востока. Проблемы эстетического своеобразия / ред. И. Р. Болян. СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. С. 237–254.

Насыров И. Р. Аль-Кинди и его трактат «Краткое изложение учения из книг Аристотеля, Платона и других философов» // «Аристотелевское наследие как конституирующий элемент европейской рациональности»: Материалы к докладам. М.: Аквилон, 2016. С. 5.

Ал-Фараби, Абу Наср. Большой трактат [о] музыке (фрагмент) / вступ. ст., перев. с араб. и коммент. Ф. О. Нофала // Філософські дослідження, 21. Луганськ: Видавництво СНУ ім. В. Даля, 2014. С. 258–265.

Фролова Е. А. Арабская философия: прошлое и настоящее. М.: «Языки славянской культуры», 2010. 464 с.

Шамилли Г. Б. Модели музыкальной речи // Искусство музыки: история и теория. 2011. № 1–2. С. 318–340.

Adamson, P. Al-Kindi. Oxford: Oxford University Press, 2007. 290 p.

Diels, H. Doxographi graeci. Berlin: Weidmann, 1879. 853 s.

References

Dolinina A. (1983). *Predislovie* [Preface]. Araviiskaya starina. Iz drevnei arabskoi poezii i prozy. Moscow: «Nauka». Pp. 3–22 (in Russian).

Efremova N. (2010). *Al-Kindi* [Al-Kindi]. Novaya filosofskaya entsiklopediya. Moscow: Mysl'. Vol. 2. Pp. 244–245 (in Russian).

Al-Farabi 'Abu Nasr (2014). *Bol'shoi Traktat [o] Muzyke (Fragment)* [Big Book of Music (a Fragment)]. *Filosofs'ki doslidzhennyya*, 21. Lugansk: Vidavnitstvo SNU im. V. Dalya. Pp. 258–265 (in Russian).

Frolova E. (2010). *Arabskaya Filosofiya: Proshloe i Nastoyashchee* [Arabic Philosophy: Past and Present]. Moscow: «Yazyki slavyanskoi kul'tury». 464 p. (in Russian).

Ghurab 'A. (2015). *Mu'allafat al-Kindi al-musiqiyya wa mu'tayat 'awwaliyya hawl 'alaqati-ha bi-l-masadir al-'ighriqiyya* [Al-Kindi' Musical Treatises and First Information about its Relations with Greek Sources]. Al-Kindi wa fala-safatu-hu. Wajda. Pp. 117–146 (in Arabic).

Izbrannye Proizvedeniya Myslitelei Stran Blizhnego i Srednego Vostoka [Selected Parts of the Eastern Philosophers' Works] (1961). Moscow: IF AN SSSR. 634 p. (in Russian).

Al-Kindi 'Abu Yusuf (1962). *Mu'allafat musiqiyya* [Musical Treatises]. Baghdad: Matba'at Shafiq. 174 p.

Al-Kindi 'Abu Yusuf (1950–53). *Rasa'il falsafiyya* [Philosophical Treatises]. Cairo: Dar al-fikr al-'arabiyy. 537 p. (in Arabic).

Al-Kindi 'Abu Yusuf (1961). *Risala fi ajza' khabariyya fi al-musiq* [A Treatise about Discursive Parts of Music]. Al-Huluuv S. Tarikh al-musiq ash-sharqiyya. Beirut: Maktabat al-Hayat. Pp. 261–269.

Al-Kindi 'Abu Yusuf (1965). *Risala fi al-lahun wa nughum* [An Treatise about Tones and Themes]. Bagdad: Matba'at Shafiq. 32 p. (in Arabic).

Knysh A. (2011). *Bor'ba Idei v Srednevekovom Islame* [Intellectual Struggles in the Pre-Modern Islam]. *Ishraq. Ezhegodnik islamskoi filosofii*'2. Moscow: «Nauka». Pp. 460–501 (in Russian).

Mesyats S. (2005). *Diskussii ob Efire v Antichnosti* [Discussions about Ether in Ancient Philosophy]. *Kosmos i dusha. Ucheniya o vselennoi i cheloveke v Antichnosti i v Srednie veka (issledovaniya i perevody)*. Moscow: Progress-Traditsiya. Pp. 63–112 (in Russian).

Muzykal'naya estetika stran Vostoka [Musical Aesthetics of Eastern Countries] (1967). Moscow: «Muzyka». 413 p. (In Russian).

Muraki M. (1997). *Ritm v «Traktate o Muzyke» Brat'ev Chistoty* [The “Rhythm” in Ikhwan as-Safa' Musical Treatise]. *Iskusstvo Vostoka. Problemy esteticheskogo svoeobraziya*. SPb.: Dmitrii Bulanin. Pp. 237–254 (in Russian).

Nasyrov I. (2016). *Al'-Kindi i Ego Traktat «Kratkoe IzlozhenieUcheniya iz Knig Aristotelya, Platona I Drugikh Filosofov»* [Al-Kindi and His Treatise “The Compendium of Aristo', Plato and Other Philosophers' Books”]. «Aristotel'evskoe nasledie kak konstituiruyushchii element evropeiskoi ratsional'nosti». *Materialy k dokladam*. Moscow: Akvilon. P. 5 (in Russian).

Qasim B. (2014). *Ash-Sha'ir al-jahiliyy wa al-wujud: dirasa falsafiyya zahiratiyya* [Arabic Poet and the Being: Philosophical and Phenomenological Research]. Al-Mustaqbal al-'arabiyy. № 423. Pp. 57–67 (in Arabic).

Al-Qayrawani Ibn Rashiq (1981). *Al-'Umda* [The Governor]. Beirut: Dar al-Jil. 651 p. (in Arabic).

Ar-Rafi'i M. S. (1940). *Tarikh adab al-'arab* [The History of Arabic Culture]. Mansura: «Al-'Iman». 758 p. (in Arabic).

Shamilli G. (2011). *Modeli Muzykal'noi Rechi* [Models of Musical Speech]. *Iskusstvo muzyki: istoriya i teoriya*. No. 1–2. Pp. 318–340 (in Russian).

AL-KINDI' PHILOSOPHY OF MUSIC: COSMOLOGICAL ASPECT

Faris O. NOFAL,
postgraduate student, Lugansk State
University named after V. Dahl
(20a, Molodezhniy kvartal, Lugansk,
91034, Ukraine).
E-mail: faresnofal@mail.ru

Abstract. The present article considers the cosmological aspect of philosophy of music of the first prominent representative of the Peripatetic Arabic school, famous philosopher, theologian, astronomer, naturalist of — Abu Yusuf Ya‘qub al-Kindi (d. 256/873). The basis of al-Kindi’s “operational cosmology” is investigated separately. The author gives a conclusion about ontological value of music in al-Kindi’s philosophical worldview. There is also given a statement about originality of a number of “fundamental principles” in the faylasuf’s musical theory.

Keywords: medieval philosophy, Muslim philosophy, Arabic peripatetism, medieval theory of music, philosophy of music, al-Kindi, Pythagoras.

UDC 1(091); 1.18

DOI 10.22311/2074-1529-2017-13-2-41-54

